

Пересыпкин А.П., к.п.н.,
Цурикова Л.В., к.п.н., доц.,
Ермакова Л.Р., к.ф.н.
НИУ «БелГУ», Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КУРАТОРИЯ КАК ПАНКАТЕГОРИЯ СИНЕРГЕТИКИ

Предлагаемая статья посвящена аналитическому исследованию соотношения лингвистической куратории и синергетического аспекта развития естественного языка, а также специфике преломления языковых средств в речевой деятельности. Соотносимость грамматических структур и кратковременность существования речевой деятельности с теорией лептонов – элементарных носителей информации.

Ключевые слова: лингвистическая куратория, лингвистика текста, прагматика, речевой акт, синергетика, лептон.

Peressypkin A.P., Tsurikova L.V., Ermakova L.R.
Belgorod National Research University, Russia,

LINGUISTIC KURATORIA AS PANCATEGORY OF SYNERGETICS

The article is devoted to the analytical study of the correlation between linguistic kuratoria and synergistic aspect of natural language development and the specifics of interpretation of language means in speech. The relevance of grammatical structures and the short duration of existence in speech activity with the theory of leptons – elementary data media.

Keywords: linguistic kuratoria, text linguistics, pragmatics, speech act, synergetics, lepton.

Известно, что синергетика чаще всего рассматривается как теория возникновения новых качеств на макроскопическом уровне. При таком подходе возникновение смысла следует трактовать как возникновение нового качества системы, то есть, как саморождение смысла. При этом смысл принято связывать с понятием информации, которая, в первую очередь, неотъемлема от естественного или искусственного языка.

По мнению известного теоретика синергетики Г. Хакена, «информация не может порождаться системами в состоянии теплового равновесия... Система, находящаяся в состоянии теплового равновесия, не может и хранить информацию. Рассмотрим типичный пример – книгу. На первый взгляд может показаться, что она находится в тепловом равновесии – ведь мы даже можем измерить ее температуру. Однако полного теплового равновесия книга достигнет лишь после того, как типографская краска продиффундирует и, расплываясь по каждой странице все больше и больше, распространится по ней, – но тогда текст исчезнет» [8 : 46].

Это, на первый взгляд, парадоксальное по отношению к языковой системе, которая является предметом нашего рассмотрения, высказывание имеет все разумные основания. Натуральный язык принято понимать как гомеостатичную открытую саморегулирующуюся систему. Это означает, что по

своей природе система статична относительно индивида, социума и этноса. Однако известно, что на уровне узуса, примерно, за столетие, то есть за четыре поколения носителей, в языке регулярно происходят изменения [6 : 162]. Это явление объясняется именно открытостью системы. Подобный подход имеет некоторый характер условного упрощения. В действительности дело обстоит значительно сложнее.

Следует иметь в виду самую очевидную истину: языковая система представляет собой сопряжение физической и идеальной составляющих. Их взаимовлияние и позволяет рассматривать язык как категорию синергетики, суть которой направлена на объяснение саморазвития системы, по терминологии И. Пригожина и И. Стенгерс [5], «к порядку из хаоса». Здесь имеет смысл обратиться к достаточно пространному высказыванию родоначальника синергетики:

«Обмен информацией первоначально может происходить случайно, со временем между различного рода сигналами возникает конкуренция или кооперация, и в конце концов устанавливается новое коллективное состояние, которое качественно отличается от неупорядоченного, или некоррелированного, состояния, существовавшего прежде. Состояния отдельных частей системы определяются с помощью принципа подчинения. Но этот же процесс можно описать и по-иному, как некоторое специфическое согласование активности отдельных частей системы или как самоорганизацию. Одновременно с переходом в новое состояние происходит сжатие информации. Информация проявляется на макроскопическом уровне и во многих случаях увеличивает надежность и/или эффективность системы или служит другим целям.

Новый коллективный уровень становится наблюдаемым для внешнего мира, и при установлении этого отношения, или контекста, достигается новый семантический уровень» [8 : 51].

При таком синергетическом подходе становится значительно более понятна природа циклических колебаний языковой системы, которые, к примеру, проявляются в стремлении к экономии языковых средств, при которой упрощение синтаксиса приводит к усложнению семантики и наоборот [1 : 41-51], в периодическом «отступлении» и «наступлении» гипотаксиса, клишированию лексических сочетаний, «изношенность» которых постепенно ведет к неологизации либо функциональной активизации стилистических ресурсов.

Таким образом, синергетика подтверждает принятый постулат о взаимодействии сознания, как идеального феномена, и физической составляющей языковой системы, будь то акустика, будь то графика. Эти два фактора и превращают язык в саморегулирующуюся систему, открытую, но относительно статичную, одновременно, но разнонаправлено воздействуя на ее иерархические единицы и приводя целое в динамическое равновесие.

Тогда возникает еще один вопрос: какой из этих факторов более действенен? В ответе на этот вопрос целесообразно вспомнить замечание Г. Хельбига: «Языковая система тогда только может выполнять свою

общественно-коммуникативную функцию, когда она представляется как система *корреляций* (Zuordnungen) между содержанием сознания и материальными сигналами, которые транспонируют содержание сознания (как отражение внеязыковой действительности) в синтаксически, морфологически и фонетически организованную звучащую речь. Поэтому такая система соотношенностей между значением и звучанием должна найти объяснение в рамках каждой грамматической теории» [9 : 148].

С этой точкой зрения перекликается утверждение Г. Хакена: «...Построение семантики требует высокой степени кооперативности внутри системы и повторного взаимодействия с внешним миром. В этом отношении семантическая информация является не статическим свойством, а процессом, в котором контексты и их соответствие проверяются, усиливаются или отбрасываются снова и снова. Сознание правильнее считать не статическим состоянием, а процессом, в ходе которого информация непрерывно передается между различными частями мозга и многократно в них обрабатывается» [8 : 52-53].

Из этих наблюдений однозначно следует, что доминирующим фактором языкового развития является именно сознание. Однако в данном случае допустимо возражение – сознание лишь отражает меняющуюся действительность. Но здесь следует иметь в виду, что действительность изменяется под воздействием мыслительной деятельности человека, но деятельности не коллективной, а только отдельных представителей сообщества, способных совершить определенный прорыв в той или иной области науки и технического развития. Результаты индивидуально-мыслительной деятельности становятся достоянием сообщества и приводят к их проникновению в систему языка. Подобная модель языкового развития свидетельствует о том, что лингвистическая куратория, как комплекс обусловленности оптимального построения отдельного высказывания, не зависящего от его протяженности, в результате актуального соответствия синхронических особенностей языковой системы внеязыковой действительности представляет собой панкатегорию синергетики. Справедливость этой модели может быть проверена в рамках функционального изучения языка.

Функциональное изучение языка, видимо, может быть построено на отказе от известной дихотомии Ф. де Соссюра. Преодоление этого противопоставления возможно на выделении в рамках лингвистики общего направления «речевая деятельность». Это направление может рассматривать речь в совокупности с паралингвистическими факторами. Именно такой подход способен дать ключ к научному и достаточно точному пониманию природы основного средства коммуникации человеческого общества. Работы в этом направлении требуют, однако, серьезной технической оснащенности, сродни оборудованию институтов головного мозга.

Самой авторитетной междисциплинарной группой, проводящей экспериментальные лингвистические работы более десятка лет, является коллектив А. Фридрици в Лейпцигском Институте нейрофизиологических исследований им. Макса Планка. Среди задач, решаемых здесь, ключевыми

представляются определение содержания грамматики, значимости запаса слов, установление участков мозга, задействованных в процессе понимания речи, и их комплексного взаимодействия.

До настоящего времени в печати были представлены результаты, отображающие три основные фазы понимания высказывания. На первой, занимающей 160 миллисекунд, – мозг анализирует грамматическую структуру предложения. «Тысячекратно повторяясь, грамматическая информация постепенно образует замкнутую систему. Мозг превращает это знание, так сказать в hardware, чтобы больше над ним не задумываться» – так А. Фридрици объясняет поразительно высокую скорость первой фазы. Зато обращение к внутреннему словарю происходит не так быстро. Значения слов анализируются на второй фазе уже 200-600 миллисекунд. На третьей фазе в течение 700 миллисекунд идет взаимная подгонка значений слов и структуры предложения. Если система находит ошибку, процесс анализа начинается с начала» [4 : 48].

Пример «сбоя» в анализе иллюстрируется следующим примером: «Мы предлагаем испытуемым выслушать предложения и измеряем мозговые токи. Возьмем типичное начало предложения «Он сел на...» Далее все ждут существительного, скажем, «стул». Вместо него мы подставили глагол «стал»: «Он сел на стал». Идея была в том, чтобы спровоцировать мозг на возмущение. Эксперимент удался. Через 160 миллисекунд, еще не распознав значение слова, мозг с повышенной активностью реагировал на ошибку» [Там же]. Надо заметить, что подобный прием уже использовался Г.В. Черновым [11 : 71-85] для подтверждения гипотезы о действии механизма вероятностного прогнозирования на вербальном уровне сочетаемости слов у переводчиков-синхронистов. «Для этого предлагался текст, содержащий словосочетания разной степени связности. В одном типе высказываний «подсказывалась» высокая степень вероятности определенного вербального завершения, но реальное завершение было иным (в популярной телевизионной передаче недавно прозвучала фраза: *Лучше меньше, да «ЛУЧ»*). Во втором типе каждое слово не сочеталось в смысловом отношении ни с предыдущим, ни с последующим (*Проходной букет вытек с холодным шумом*). Полученные в эксперименте результаты (перевод по подсказанной гипотезе в первом случае и нарушение синхронного перевода во втором) позволяют сделать ряд выводов о механизме вероятностного прогнозирования как на уровне прогноза вероятности сочетаемости слов, так и на более высоком смысловом уровне [12 : 24].

Экспериментальные данные дают основание полагать, что синтаксис, грамматика – вот суть языка. Если вообще какая-то часть языка заложена в нейронах, то скорей всего именно эта. Слова, как полагает А. Фридрици, могут выучить и обезьяны, и попугаи. Известно, некоторые ученые полагают, что грамматика – врожденное качество человека, вернее, его мышления. Однако А. Фридрици утверждает, что сама по себе грамматика не врождена, но, несомненно, врожденной является способность усвоить ее как систему правил. Как показало изучение быстроты процесса распознавания, маленькие дети

реагируют не так быстро, справляясь с анализом грамматики в среднем за 260 миллисекунд. Отсюда следует постулат о том, что грамматике мы учимся так же, как езде на велосипеде. Наступает момент, когда мы больше не задумываемся о структуре языка, а просто им пользуемся. Более того, результаты экспериментов дают основание для довольно категоричного утверждения: «...именно синтаксис отличает человеческий язык от других коммуникативных систем. Но распознавание синтаксических структур происходит как раз совершенно бессознательно. Если же мы заявляем, что человек обладает сознанием потому, что использует язык, а главное, что отличает язык, бессознательно, то здесь что-то не сходится» [4 : 49].

Экспериментальные данные позволяют несколько модифицировать схему коммуникативного общения с учетом прагматических факторов распознавания. Если для говорящего, исходя из модели Т.А. ван Дейка, базисным фондом реализации смысла представляется семантика, интерпретируемая в процессе референции, то для слушающего первичным фактором прагматической успешности общения является грамматика, то есть синтаксис высказываний. Именно эти две полярные характеристики и дают основание для истолкования ролей участников общения как асимметричного процесса не только в поведенческом отношении, но и в лингвистическом аспекте.

При таком подходе следует иметь в виду, что, согласно концепции Г. Гийома, «мыслительный акт, осуществляемый на понятийном уровне, предшествует семиологическому акту выбора конкретных речевых средств для высказывания. В момент перехода от языкового знака к речевому кончается компетенция языка и начинается речь. Выбор и комбинирование понятий для будущего высказывания и последующее речевое его оформление требуют определенного «оперативного» времени, которое может быть минимальным и протекать незаметно для говорящего» [7 : 45]. Длительность этого процесса зависит от степени владения человеком языком, на котором он говорит.

Эта посылка определяется общим представлением Г. Гийома о четкости разграничения понятий «язык» и «речь» и о существовании двух видов «означаемого» и «означающего». Ср.: «Двум означаемым – виртуальному [языковому абстрактному понятию] и актуальному [образу конкретного референта] отвечают и два «означающих»: виртуальное (*signifiant de puissance*) и актуальное (*signifiant d' effet*) [7 : 45]. Соответственно и речевая деятельность структурируется по следующей схеме:

I	II	III
Замысел сообщения, мысль еще не осуществленная, находящаяся в сознании ментальная структура	Языковое, знаковое речевое оформление задуманного сообщения, еще не выраженное, пребывающее пока еще в сознании	Речевое оформление сообщения, передача его в виде речи (письменной или устной)

При этом вторая фаза распадается на два этапа – содержательное оформление сообщения в мыслях и знаковое оформление сообщения в мыслях [7 : 20].

Язык, как полагает Г. Гийом, представляет собой «некую абстрактную реальность, содержащую не готовые представления, которые могли бы в таком, уже готовом, виде быть использованы в речи, и которые, все вместе, представляли бы всю картину мира, но совокупность абстрактных схем мыслительных операций, которые должны осуществляться для получения представления о том или ином фрагменте этого мира. При речевом акте... язык поставляет виртуальные поставляемые [понятия], которые, в соединении со знаками, образуют «единицы языка» – слова, с помощью которых строятся «единицы речи» – фразы [или предложения].

В индоевропейских языках фразы [предложения] конструируются из слов и грамматических форм, то есть из единиц языка, переведенных в речь и имеющих каждая свое означаемое, свое означающее и свой знак. Предложение [фраза] является единицей сложной, состоящей из слов [или означающих речи]. Но поскольку всякое означающее представляет собой соединение знака с означаемым, можно сказать, что предложение есть не что иное, как соединение означаемых, именно соединение, но ни в коем случае не сумму. При таком соединении каждый вступающий в него элемент теряет свою самостоятельность, и предложение образует новое, расширенное означаемое. Это означаемое, однако, не имеет своего особого означающего, оно не пользуется никаким особым знаком. Г. Гийом считал, что лишь «постоянные» единицы, «постоянные» означаемые могут иметь свои означающие, а предложение является единицей преходящей, моментальной, не постоянной. Передав вложенную в нее мысль, фраза исчезает вместе с ситуацией речи, ее породившей» [7 : 48]. Весьма важно иметь в виду, что входящие в состав предложения и составляющие его единицы – слова – обладают постоянным означаемым, означающим и связывающим их материальным знаком. Знак может повторяться в речи любое число раз, но это не значит, что он является носителем одного и того же означаемого, то есть, значение слова в предложении может быть каждый раз другим, но находится оно всегда в пределах языкового понятия.

Думается, что учение Г. Гийома дает верное философское представление о соотношении языка и речи и специфике преломления языковых средств в речевой деятельности для формирования смысла высказывания. Это учение получает детальное развитие в концепции Т. ван Дейка [3]. В отношениях дополнительности к ним находится экспериментальное наблюдение А. Фридрици. Оно действительно подтверждает, что для реализации смысла важна, прежде всего, грамматическая структура высказывания (предложения). Она важна для адресата, но, следует полагать, в равной мере она важна и для адресанта.

Проведенный анализ дает основание признать совершенно справедливым тезис о том, что «с точки зрения языка формирование смысла происходит не только через лексические механизмы, но также и через синтаксические

механизмы и механизмы формирования высказывания» [2 : 127]. При этом следует иметь в виду, что «механизмы», приведенные последними, входят в компетенцию фоновых прагматических характеристик.

Экспериментальные данные и описательное моделирование позволяют установить значимость грамматических структур и кратковременность существования речевого высказывания. Эти показатели гипотетически соотносимы с теорией лептонов, занимающей одно из центральных мест теоретической и прикладной физики. Лептоны – общее название класса элементарных частиц, не обладающих сильным взаимодействием, то есть участвующих лишь в электрорагнитном, слабом и гравитационном взаимодействиях. Лептоны имеют спин $1/2$. В настоящее время различают заряженные лептоны – электрон, мюон (μ), τ -лептон - и нейтральные лептоны – нейтрино. Заряженные лептоны участвуют как в слабом, так и в электрорагнитном взаимодействиях элементарных частиц. Нейтральные лептоны участвуют в слабом взаимодействии. Массы заряженных лептонов сильно различаются между собой: масса электрона $m_e=0,511$ МэВ, масса мюона 105 МэВ, масса τ -лептона = 1762 МэВ. Массы лептонов теоретически не объяснены. Для каждого типа заряженных лептонов – электрона, мюона, τ -лептона - и для соответствующих им нейтрино существует своё сохраняющееся лептонное число (заряд). Лептонные числа строго сохраняются, хотя почему это происходит сегодня не ясно.

Электрон, позитрон и нейтрино стабильны. Мюон в вакууме имеет время жизни $\approx 2 \cdot 10^{-6}$ сек., τ -мезон $\approx 10^{-13}$ сек. [10]. Лептоны наблюдаются в свободном состоянии как отдельные частицы, участвующие в различных реакциях. Кроме лептонов существуют частицы, которые передают взаимодействие между фундаментальными фермионами (кварками и лептонами). Это частицы с целым спином – калибровочные бозоны.

Можно предположить, что именно лептоны являются элементарными носителями информации, из которой образованием лептонной структуры, связываемой бозонами, формируется мысль, облакаемая на этой же основе в речевую форму, которая воспринимается реципиентом и декодируется по модели Г. Гийома. Эта гипотеза может быть проверена лишь экспериментальным путем.

Литература

1. Будагов Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов. М.: Изд-во МГУ, 1976. 428 с.
2. Гийом Ж., Мальдидье Д. О новых приемах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса / Ж. Гийом, Д. Мальдидье. // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. 416 с.
3. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк: Пер. с англ. / Сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
4. Зенткер А. По следам языка: Нейрофизиолог Ангела Фридеричи / А. Зенткер // Deutschland (Германия): Политика, экономика, наука. № 5, 1997. С. 46-49.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 312 с.

6. Прохоров В.Ф. Этимология синонимии глагольной лексики в русском и немецком языках: дисс. докт...наук / В.Ф.Прохоров. М., 1998. 299 с.
7. Реферовская Е. А. Философия лингвистики Гюстава Гийома / Е. А. Реферовская. СПб: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. 126 с.
8. Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам: Пер. с англ. / Г. Хакен. М.: Мир, 1991. 240 с.
9. Хельбиг Г. Языкознание – сопоставление – преподавание иностранных языков / Г. Хельбиг // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы / Сост. В. П. Нерознака; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. М.: Прогресс, 1989. С. 307-326.
10. Хлопов М. Ю. Физика космоса. Маленькая энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия. – 1986. – Глоссарий Astronet.ru [Электронный ресурс] URL: <http://www.astronet.ru> (дата обращения: 08.11.2012).
11. Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода / Г. В. Чернов. М.: Междунар. отношения, 1978. 541 с.
12. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. М.: Наука, 1988. 215 с.

Пристинская Т.М.
к.ф.н., НИУ «БелГУ», Россия

ТИПЫ АППРОКСИМАТОРОВ В НОМИНАЦИЯХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В данной статье рассматривается концептуально-языковая природа, модусный характер и полевая структура лингвистической категории аппроксимации, анализируется роль ингерентных и адгерентных аппроксиматоров, а также контекста в реализации вариантов инвариантного значения приблизительности в немецком языке.

Ключевые слова: категория аппроксимации, концептуальные признаки, семантическая функция, приблизительность, неопределенность, интенсивность, сравнение, оценка, аналитические номинации, ингерентный / адгерентный аппроксиматор.

Pristinskaya T.M.
Belgorod National Research University, Russia

TYPES OF THE APPROXIMATORS IN THE NOMINATIONS WITH AN APPROXIMATIVE MEANING (BASED ON GERMAN LANGUAGE)

The article is devoted to the description of the conceptual-linguistic nature, modal character and field structure of the linguistic category of approximation and to the analysis the role of inherent and adherent approximators as well as the context in the realization of the invariant meaning of approximateness in the German language.

Key words: category of approximation, conceptual signs, semantic function, approximation, indetermination, intensity, comparison, evaluation, analytical nominations, inherent / adherent approximator.

Результаты исследований лингвистической аппроксимации на материале разных языков (Сахно С.Л. 1983; Пристинская Т.М. 1998; Никишенкова Ю.В.